

МИНИМАЛЬНАЯ ГЕРМЕНЕВТИКА

Немцев М. Ю.

Опубликовано: Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований.

Материалы V региональной научной конференции в области гуманитарных и социальных наук.

Новосибирск: изд. НГУ, 2007. С. 138-142.

1. В XX в. название этого искусства интерпретации и толкования текстов оказалось прочно связано с философской традицией, продолжавшей традиции немецкого идеализма. Во многом благодаря Гансу-Георгу Гадамеру, за этой традицией закрепилось название «философская герменевтика». Кроме Гадамера, к её основным представителям относят П. Рикёра, Э. Бетти, Э. Корета, Ф. Димера, Э. Д. Хирша, Ж. Грондена, а в США – Г. Палмера и Дж. Капуто; Р. Рорти также заявлял о приверженности герменевтическому подходу. Одновременно с философской герменевтикой существуют разнообразные филологические и юридические герменевтики, (пост)хайдеггерианская герменевтика бытия (В. фон Херрманн), и теологические (сакральные) герменевтики. Они предназначены для работы с текстами, используемыми в определённых практиках или областях знания. Философская герменевтика, напротив, стремится прояснить общие вопросы о возможности и значении понимания и интерпретации.

Формирование и успех такой дисциплины (в 1960-х гг. говорили даже о широком «герменевтическом движении») были обусловлены усиленным вниманием гуманитарных наук к собственным методологическим и эпистемологическим возможностям, рефлексией и внутренней самокритикой гуманитарного знания. В этот период происходила фундаментальная трансформация всей европейской философии. Это было «разоблачение наивных допущений немецкого идеализма, не принимаемых современным мышлением. Это, во-первых, наивность полагания, во-вторых, наивность рефлексии и, в-третьих, наивность понятия» (1). Все эти три «разоблачения» имеют гносеологический характер. Один из важнейших результатов развития теории познания состоял в том, что при углубленном анализе процессов понимания, без которых никакое научное, тем более философское исследование не может обойтись, европейские философы пришли к выводу, что ключевую роль должно иметь прояснение онтологического статуса языка. А такой анализ методологически основывается на процессах интерпретации и прояснения смысла речевых высказываний, т.е. феноменах чтения и анализа текстов. Философская герменевтика стала одной из теоретических перспектив, развитых при освоении этого нового теоретического поля - с одной стороны, вместе с аналитической философией языка (Л. Витгенштейн, Д. Дэвидсон), с другой стороны, одновременно с (преимущественно французскими) структурализмом и постструктурализмом. Определение «минимальной герменевтики» позволяет выявить своеобразие герменевтического подхода и отличить её от

других философских традиций, также занимающихся проблемами интерпретации и понимания. Я полагаю, что под «минимальной герменевтикой» можно понимать основные принципы, на которых должны основываться концепция или учение, для того, чтобы считать их принадлежащими к герменевтической традиции, в отличие от остальных возможных учений об интерпретации и понимании.

2. Цель философской герменевтики состоит в исследовании процесса постижения *истины* в акте понимания, при этом общей моделью процесса понимания в ней является понимание текста. Цель герменевтической работы с текстом - его истолкование, под которым я буду подразумевать здесь просто совокупность всех возможных методов обращения с текстом, направленных на *объяснение его смысла и значения*. Чтобы понять текст, его надо объяснить, интерпретировать, а вариантов интерпретации может быть неопределённо много. В герменевтике, ценность интерпретации состоит в возможности «применения» её продуктов, т.е. в установлении отношения между текстом и конкретной практической (жизненной) ситуацией герменевта – интерпретатора. Текст должен быть прочитан так, чтобы он что-то «сказал» читателю (речь идёт не о «слышании голоса автора» и т.п. идеях наивной интерпретации, а скорее о восприятии и употреблении полезного – применимого содержания, каким-то образом потенциально находящегося в тексте как самостоятельном языковом произведении). Эта необходимость возвращения во внеязыковой практический контекст является жёстким методологическим ограничителем свободы герменевта. Здесь можно увидеть противоречие между потенциально бесконечными возможностями множественных прочтений текста, и ситуативным контекстом «применения», который влечёт за собой необходимость «отсечения» прагматически излишних и непродуктивных вариантов интерпретации. Известно, что сам Гадамер опирался на концепцию *фронесис*, «практической мудрости» у Аристотеля, обосновывая необходимость опоры в выборе стратегий истолкования на «практическую логику» конкретной ситуации и здравый смысл. Эта практическая логика предполагает, что варианты истолкования оцениваются по их соответствию ситуативным перспективам. Гадамер говорит о «сути дела», которой должен соответствовать процесс истолкования. Поэтому выявляемая таким образом «истинность» истолкования проверяется применением полученного.

Известно, что в «фундаментальной онтологии» Хайдеггера, который первоначально называл её «герменевтикой» и которому следует его ученик Гадамер, истина определялась феноменологически, как «самораскрытие бытия», его самоистолкование. Однако обращение к «практической мудрости» Аристотеля, т.е. выход за рамки практики контемпливативного «созерцания бытия», приводит к тому, что *истина определяется, скорее, по инструменталистским (прагматическим) критериям У. Джемса*. Феноменологическое раскрытие истины и «герменевтический» принцип применения фактически подразумевают разные концепции истины, и как в той мере, в какой герменевтика стремится иметь дело с

логиками практической жизни, она должна определять истину по инструменталистским критериям.

3. Наиболее общим принципом герменевтического подхода к стратегиям истолкования является принцип «двойного значения», или «схема символа». Он состоит в том, что содержание текста аналитически разделяется на два уровня (2). Первый – это «прямое» содержание, понятное из простого прочтения текста, и требующее только релевантных языковой и культурной компетенции, чтобы быть понятым. Это уровень *очевидного содержания текста*. Для его понимания требуется *только* способность прочитать текст и соотнести его с контекстом (т.е. «понять, о чём идёт речь»).

Второй уровень – это неочевидное, скрытое и при этом – *действительное*, «подлинное» содержание, которое может быть получено с помощью специальной интерпретативной работы. Этот второй, скрытый уровень является в герменевтике целью (герменевтической) работы с текстом, однако прямой доступ к нему проблематичен. *Когда «очевидного» значения текста недостаточно, возникает герменевтическая ситуация*. Таким образом, это первичное (входящее в минимальное понимание) положение о том, что данный текст имеет двойное значение, лежит в основе всех герменевтических процедур.

Поль Рикёр специально анализировал проблему *множественности смысла*, состоящую в том, что «какое-либо выражение, обладающее меняющимся значением, означая одну вещь, в то же время означает и **другую** вещь, не переставая при этом означать первую» (3). Это не означает, что какие-то из этих значений ложны; проблема состоит в различении и субординации этих значений. Эта проблема делает необходимой интерпретацию, состоящую в «расшифровке смысла, стоящего за очевидным смыслом, в раскрытии уровней значения, заключенных в буквальном значении... Так символ и интерпретация становятся соотносительными понятиями: интерпретация имеет место там, где есть многосложный смысл, и именно в интерпретации обнаруживается множественность смыслов» (4). Таким образом, универсальной и специально герменевтической проблемой он считает проблему символа как элементарной структуры двойного значения. Гадамер не уделял принципу двойного (символического) значения текста особого внимания. Но и в его подходе, «истина» должна быть прочитана в тексте, получена в результате его интерпретации, что требует «расслоения» текста на эти два основных уровня, которые, конечно, могут включать в себя множественные подуровни (наподобие «слоев», вложенных в два основных «измерения» текста у Романа Ингардена (5).

4. «Принцип истины», по отношению к которому «принцип применения» выполняет вспомогательную роль, определяет различие между герменевтикой и семиотически-ориентированными подходами, истоки которых лежат в семиотике Ф. де Соссюра (деконструкция и деконструктивизм, постмодернизм). В ориентации на принцип «двойного значения» состоит её отличие от развитых в аналитической философии после Витгенштейна и

Карнапа подходов к истолкованию текста как методу обращения со сложноструктурированными совокупностями символов. В этих подходах осмысленно говорить, например, об уточнении значения неясных слов, правилах и методах истолкования, но не о втором «глубинном» смысле наглядного текста. «Истина» также определяется в них иначе.

Итак, минимальное определение «философской герменевтики» в отношении истолкования текстов состоит в том, что этот подход предполагает истолкование текста согласно онтологическому принципу двойного значения, и принципу истины, получает феноменологическую и/ли инструменталистскую трактовку в зависимости от уровня герменевтического анализа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гадамер Г. Г. Философские основания XX века / пер. В. С. Малахова. / Гадамер Г. Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. с. 16.
2. Куркина Л. Я. Герменевтика, эстетика, язык // Философская и социологическая мысль. 1990, №. С. 91 – 102.
3. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / пер. И. Сергеевой. М.: Медиум, 1995. С. 97.
4. Там же, с. 18.
5. Ingarden, R.W. The Literary Work of Art / trans. G.G. Grabowicz. Evanston, IL: Northwestern University Press, 1973.